

Роман Вершилло

Программа антимодернистов.
Исторический обзор

Москва, Антимодернизм.Ру, 2026

**Вершилло, Роман Алексеевич. Программа
антимодернистов. Исторический обзор. М.:
Антимодернизм.Ру, 2026. 52 с.**

Я ставлю перед собой задачу описать сложную структуру антимодернизма, соединяющую философию порядка, политическую философию, искусство чтения и, наконец, то, что я называю «сверхметодом», то есть образом жизни христианина, в котором деяние соединяется с разумом. Чтобы ознакомиться с духом времени, понять время, в которое мы живем, начнем с краткого исторического обзора.

Иллюстрация на обложке

Лукас ван Уден. Руины у моря. XVII век.

Содержание

Исторический обзор	4
Протест против ре-дивинизации	7
Малые гностики	15
Православный модернизм – нигилизм	20
Антимодернизм в истории Нового времени	29
Прекрасная деятельность	36
Выводы	43
Список литературы	50

Исторический обзор

Чтобы ознакомиться с духом времени, понять время, в которое мы живем, начнем с краткого исторического обзора. В нем мы обозначим основные элементы программы антимодернизма, которые мы подвергнем более полному анализу позднее.

Власть государственного язычества

Античный мир был околдован государственным язычеством.

С одной стороны, греческие полисы и Римская империя воспринимались как часть миропорядка, и это позволило построить правильную политическую философию даже при разрушении полиса (Платон, Аристотель). Возникает империя, как обитаемый мир, ойкумена, вселенское государство, противопоставляющее себя окружающему варварству и имеющее сложную сословную структуру.

С другой стороны, в своей власти над людьми язычники действовали заодно с бесами и жрецами ложных богов, считая, что правильно следуют государственной теории.

Де-дивинизация

Воскресший Христос-Искупитель освободил мир от волшебства, изгнав демонов. Замолчали оракулы. Древний мир стал миром, где господствует Христианство.

Церковь усилием и насилием отделила себя от язычников и иудеев. Гностики и еретики были изгнаны из Церкви и перестали попираť ее священную землю (Исх. 3:5). Тогда же со св. императором Константином возникло Христианское государство.

Все вместе это означало, что, во-первых, совершилось расколдовывание (*де-дивинизация*) мира, с четким отделением Церкви от мира, с разделением властей, искусств и наук на светские и Церковные. Стало возможным разумное суждение о добродетелях и нравственное суждение об Истине. Дружественные богословие и философия вместе оказались непреодолимым ограждением от лжи и безнравственности.

Во-вторых, общество стало открытым. С принятием Христианства общество теперь видит себя таким, каково оно есть на само деле: частью большого Порядка, миропорядка, в котором Правитель – Сам Бог.

Эпоха *де-дивинизации* – души открытой пред Богом и открытого общества – продолжалась примерно полтора тысячелетия, в которые входит вся история Византии (до 1453 года) и существенная

часть истории России (по меньшей мере до старообрядческого раскола).

Итак, поздний эллинизм и Средневековье были замечательным временем, заслуживающим отдельного описания. Здесь для нас важно отметить, что это была единственная в истории эпоха разума, понятности, которую совместно давали Церковь и христианское государство.¹

Новое время

Эпоха Отступления, Новое время, представляет собой действительно новое явление, потому что после победы Христианства полный возврат к язычеству уже невозможен.² Человечество вынуждено идти путем неизвестным.

Закрытость души и общества

Человечество постепенно теряет веру в Бога Всемогущего, Творца и Промыслителя. Ориентация граждан на Высшее Благо (*summi bonum*) больше не создает порядок в душе и в обществе. Душа неверующего человека переживает состояние демонической закрытости. Пока это заметно только мыслителям-реалистам, но скоро становится очевидным и для политиков.

Начиная с XVII века возникает новый тип общества, представленный прежде всего национальными государствами. Его особенностью является то, что оно отделено от трансцендентного и потустороннего Бога. Общество в этом отношении верно отражает то, что творится в душе неверующего.

Вместо знания о том, что общество есть часть большого Порядка, в котором Правитель – Сам Бог, возникает представление об обществе, как о *малом порядке* с центром существования в нем самом.[46, Р. 44] Национальные государства враждебны к еще существующим империям и, наконец, к XX веку, выступают как их могильщики.

Рациональное и нравственное определение того, что есть высшее Благо, больше не сплачивает людей. В результате мы получаем организацию человека и общества не по Высшему Благу, а по *summi malum*, наибольшему злу. Теперь людей сплачивает

¹ См. комментарий о монархии у Г. Инниса.[39, Р. 31] Разумеется, одной книги Инниса недостаточно. Хорошим дополнением здесь могут послужить сочинения других представителей канадской школы коммуникации и литературоведения: У. Онга, М. МакЛюэна, Н. Фрая.

² Почему это так, мы рассмотрим ниже.

страх, зло, наихудшее из возможных: смерть человека, распад страны, гражданская война, а в Церкви – раскол.

Целью человека становится сохранение жизни любой ценой, а целью общества – единство ради единства.

Страх наивысшего Зла придает развращенному обществу ту или иную политическую форму в зависимости от того, что именно в данный момент угрожает его существованию: внутренний враг или внешний, эпидемия или бедность и т.п.

Вторичное околдовывание мира

Помимо закрытости от Бога в этой точке Отступления оказывается необходимой *ре-дивинизация*, как вторичное околдовывание человечества, но не старой, языческой, а уже новой, идеологической магией, и не старыми ересями, а новыми политическими лжеучениями.³

Ре-дивинизация, магия, освящающая все мирское и оскверняющая все священное, восполняет, как умеет, недостаток помощи со стороны разума и совести.

Во-первых, оказалось, что без понятия о Высшем Благе нельзя сказать ничего разумного об обществе и о человеке. Если знание Истины невозможно, а возможны только мнения об Истине, то человек не может понять себя. Он становится тайной для себя несмотря на то, что в Новое время он пережил самооткровение (*autoepiphany*, «человекоявлению») по извращенной аналогии с Божоявлением).

Во-вторых, добродетель резко теряет в цене, потому что больше не связана со знанием о человеке. Место добродетелей в качестве руководителей совести занимают мнения о добре и зле, которые общество устанавливает само для себя в своих политических интересах.

И даже этого недостаточно, чтобы ориентация на зло, вражда против Истины окончательно оформилась. Нужна еще воля к власти (*гордость житейская*). Власть в закрытом обществе не от Бога, а от человека, и поэтому она даже и не власть, а мощь светского, общественного волшебства, например, символическая власть традиционных или космополитических ценностей, искусственных традиций.

³ Понятие «ре-дивинизации» предложил Эрих Фогелен.[45, P. 106-107 et pass.] В *ре-дивинизации* нетрудно заметить процесс обратный «расколдовыванию мира» (*Entzauberung der Welt*) у Макса Вебера.

Властиители-волшебники – это теперь новые боги и герои, заслуживающие поклонения (Откр. 13:4) и поклоняющиеся самим себе.⁴

Итог развития

Итак, в Новое время начинается вторичное околдовывание, которое охватывает закрытое общество и человека, чья душа закрыта для Бога. Вместе эти две стороны Нового времени: закрытость от Бога и ре-дивинизация, – сводятся к определенной вражде против Истины и борьбе за полное уничтожение разума.

Хронологически первый пример – Реформация, которая породила такие духовно-социальные движения, как пиетизм и тому подобные. В разных странах однородные духовные события происходят почти одновременно. Например, в России в XVI веке мы имеем гностическую мистику власти у Ивана Грозного, а на сто лет позже – шедевры духовно-политической пропаганды старообрядцев и особенную оптику Аввакума.⁵

Мы сочли полезным проследить ход истории от Древнего мира к Новому по следующим параметрам:

- открытость – закрытость,
- разум Истины – магия,
- власть – безвластие (символическая власть),
- понятность (искусство чтения) – власть тайны (понимание непонятного) и неграмотность.

Как мы указали,

Древнее язычество отличают: открытость общества, закрытость личности (не всякой, это всюду подразумевается), магия, власть.

Христианскую эпоху отличает: открытость общества, открытость личности, понятность, власть.

Ре-дивинизация – Новое время приносит с собой: закрытость общества, закрытость личности, непонятность, безвластие.

Протест против ре-дивинизации

Ре-дивинизация не проходит гладко. У простых людей она вызывает неустранимое беспокойство, а со стороны высших натур – рациональный или нигилистический протест.

⁴ Вспомним о. Александра Шмемана и его картину человека-священника, совершающего в центре мироздания свое священнодействие.[10, С. 60]

⁵ См. великолепный анализ последнего у А. С. Демина.[14]

На самой границе Нового времени Иероним Босх работает с настойчивой индивидуальной символикой, пластически анализируя нарождающуюся символическую власть, новое безвластие.

Мыслители-реалисты

В начале эпохи также появляются мыслители-реалисты: Макиавелли, Гоббс. Эти мыслители разрывают с античной традицией, описывая государство и человека не такими, каковы они должны быть, а каковы они на самом деле. Они исходят из той мысли, что большое, антиполитическое состояние есть норма для человека и общества. Человек очень дурен, это буквально злодей на свободе.

Свободно пользуясь добром и злом, истиной и ложью, политик преодолевает принципиальную неустроенность мира и развращенность человека. В результате создается новый порядок из правителей и подданных, которые одинаково не руководствуются нравственностью и разумом.

Почему мы отнесли реалистов к противникам ре-дивинизации, а не к ее проповедникам? Потому что реалисты открыто говорят о том, что агенты ре-дивинизации пытаются скрыть под покровом символики. Реалисты отчетливо видят идущую в обществе войну всех против всех и не обещают, что она когда-либо превратится в вечный мир или хотя бы в перемирие. За это они (прежде всего, Макиавелли) были объявлены аморалистами, хотя их мысль вполне очевидна: в человеческом обществе совершенная справедливость невозможна, как об этом писал и блж. Августин.⁶

Паскаль

Блез Паскаль – выдающийся мыслитель эпохи Просвещения – описывает закрытое человеческое сознание перед лицом бесконечной вселенной. Эта бесконечность выглядит беспорядком, но зовет лишь к признанию того, что порядок Божьего мира и Божьей благодати оказывается несоизмеримым с тем, что человек понимает под порядком своей души.

Таинственная благодать, исходящая от Бога к человеку – вот единственное, что связывает Бога и человека. Человек несколько не заслужил того, чтобы Бог обратился к нему, к этой песчинке. Мир,

⁶ «Истинной справедливости нет нигде, кроме той республики, основатель и правитель которой - Христос... Истинная справедливость существует только в том Граде, о котором Святое писание говорит: „преславная глаголашася о тебе, граде Божий“ (Пс. 86:3)». [1, С. 98–99]

включая душу самого человека, представляется не имеющим никакого постороннего центра, никакой внутренней ценности. Свет благодати светит в кромешной темноте мира людей.

Паскаль мистически переживает и рационально оценивает разрыв между Богом и человеком по природе. Мистика разрыва, односторонней связи: только от Бога к человеку, – оказывается аргументом в пользу разума. Сама слабость человеческого разума становится неопровержимым доказательством могущества Истины, ее власти над разумом.

Христианская мистика Паскаля аннигилирует всякую светскую мистику, созерцая единовластие Божества. А тайна Христианства уничтожает всякую человеческую постороннюю символику, которая скрывает вполне постижимое человеческое нечестие (Откр. 17:4).

Верное понимание таинственного сделало самоочевидной всю абсурдность власти человеческой тайны, понимания непонятого. Благодаря этому неграмотность, как духовная болезнь, получила у Паскаля разумную альтернативу в простой вере простого человека.

Аморальные попытки иезуитов овладеть совестью верующих заслуживают уничтожающего сарказма «Писем к провинциалу». Вооруженный мистикой, Паскаль смог ясно провидеть в иезуитизме будущее модернистское Христианство, аморальную и иррациональную альтернативу Христианству истинному.⁷

Лейбниц

Особо отметим позицию Лейбница, однажды уже нами обозначенную.[9] Он не считал, что вражда между людьми есть первоначальное состояние общества. Беспорядок в душе человека тоже не носит универсального характера, потому что в обществе есть христиане.⁸ В обществе остаются некоторые лица, верные Высшему Благу, и это поразительным образом меняет всю картину, нарисованную мыслителями-реалистами, о которых мы говорили выше.

В закрытом и околдованном обществе с христианами происходит нечто удивительное. Теперь их верность порядку подрывает новый малый порядок. А их единство с Богом и государственная дружба разрушают единство, то есть закрытость развращенного общества, сконструированного так, чтобы объединять только людей с беспорядком в душе.

Таковы выводы из политической философии Лейбница.

⁷ См. обзор воззрений Блеза Паскаля применительно к православному модернизму.[9]

⁸ См. его письмо Гоббсу.[27]

Классицисты

Среди протестующих против ре-дивинизации нельзя не упомянуть о таком художественном направлении как классицизм.

Классицисты XVII и XVIII веков и их поэтика «прекрасной природы» представляются неожиданно разумной и художественно совершенной реакцией на Новое время. Порядок неизменной природы, неизменность человеческих характеров, рациональный художественный анализ и разумность самого устройства природы исключают всякую мысль о мире, закрытом от Бога. Разум Божественного замысла, творения и Промысла пронизывает весь человеческий мир и позволяет людям разумно судить и о природе, и о человеческих характерах.

Вопрос о власти правителей-волшебников не входит в эту художественную вселенную. Власть, монархизм, искусство чтения – все это отличительные черты классицизма, которые делают его продуктивным для нас сегодня.

Однако позиция классицизма оказалась компромиссной с Новым временем в главном пункте: в классицизме мир настолько рационален и хорошо устроен, что о Боге уже можно не думать. Что это, как не вариант закрытости от Бога?

XX век. Философы и филологи

Линию здравого сопротивления ре-дивинизации можно продолжить в XX век, где мы встречаемся с философами порядка Эрихом Фогеленом, Лео Штрауссом. В числе противодействующих околдовыванию назовем Германа Гессе, великих филологов, среди которых особо хочется упомянуть замечательную работу Мейера Абрамса «Естественное сверхъестественное».

Самые разные люди начинают понимать, что им не обязательно становиться идеологами. Как это описывает Э. Фогелен:

Настаивать на рассмотрении проблем жизни разума сегодня равносильно новой декларации прав человека против идеологов. Я часто говорю студентам: «Бог сотворил мир не только для идеологов. Человек тоже имеет право на жизнь в этом мире». Что такое человек? Вот вам проблема жизни разума. [47, P. 107-108]

Что обращает на себя внимание? Все перечисленные авторы – продолжатели классической традиции, в том числе искусства чтения. В споре о старых и новых они выступают на стороне древних.

Как мы видели, для Нового времени эта традиция приобретает вес только случайно, под покровительством Людовика XIV, за счет неслыханных дарований Босха и Лейбница, литературного великолепия сочинений Паскаля.

Нравится нам это или нет, но классика в Новое время – это даже не комментарий к основной линии ре-дивинизации, а постороннее течение. Оно выживало и выживает только за счет своей незаметности.

Протест со стороны великих гностиков

До сих пор мы говорили об одиночках, осмеянных (Лейбниц), опороченных (Макиавелли), понятых точно наоборот (Паскаль как, якобы, критик Христианства) и, наконец, объявленных устаревшими, как все направление классицистов.

Эпоха Нового времени рождает критиков и с совсем уже неожиданной стороны. У прогресса и самоусовершенствования обнаруживаются могущественные враги: великие гностики по-своему протестуют против околдовывания, закрытости, безвластия и непонятности.

Маркс, Ницше, Достоевский, Шестов, Малевич, Камю, Беккет, Пинтер и другие протестуют против античеловеческих оснований Нового времени, сочетая это со все той же принципиальной враждой против Истины. Их протест против вторичного освящения мира не сопровождается обращением к Христианству.

Сами они ясно осознают удивительное положение, в котором оказались. Гностику не нравится бесчеловечность, закрытость души и общества, отчуждение о человеческой сущности, лицемерие, низость (подчиняться правителям-волшебникам – недостойно человека). Они исследуют, как можно вернуть человеку его достоинство, не обращаясь к Истине. Как это можно сделать? Только через гностическое озарение, где истина смешана с ложью.

Три периода современной мысли

Ю. М. Бохеньский в заметке под названием «Три периода современной мысли в Западной Европе» предлагает следующую объясняющую схему Нового времени:

С конца Средневековья (если говорить точно, с позднего Ренессанса) мысль Западной Европы прошла через три периода. Первый период, от позднего Возрождения до XVIII века, характеризуется обожествлением светского – отсечением фи-

лософии, науки, политики, искусства и т.д. от трансцендентного и священного. В XVIII веке начинается движение в некотором образом противоположном направлении: светское, освобожденное от трансцендентного, теперь обожествляется. История, человечество, прогресс, даже вселенная подверглись размышлению и были сочтены священными. В созерцательной области вершиной этого движения стала философия Гегеля, но то же самое проявилось в материализме, эволюционизме и других течениях XIX столетия.

Наконец, с началом XX века (с существенными предшественниками в лице Кьеркегора и Ницше уже в XIX веке) начинается новое течение. Светское подверглось повторной секуляризации, так что философ XX века может сказать: «Вопрос о том, есть ли прогресс и эволюция или их нет, для меня не имеет смысла, потому что так или иначе меня ждет смерть».- [37, Р. 129]

Протест против околдовывания

Выглядит естественным, что Ницше, Достоевский и другие возражают против того, чтобы их околдовывали мифами, «освящали секулярное», хотя и не возражают против осквернения священного. Радикальному сомнению подвергается даже главный миф Нового времени об овладении человеком своей природой.

Маркс и Ницше разоблачают, как всего лишь видимость, «священный» порядок тоталитарных государств и в перспективе – апокалиптического всемирного государства.

Протест против закрытости

Протест против закрытости мира уже не выглядит таким естественным. Мир гностика – замкнутый мир. В него не проникает свет Божий.

Как мы понимаем, души великих гностиков закрыты для Божьего мира как порядка, и поэтому увидеть общество, как часть Божественного миропорядка, они никак не могут.

Великие гностики протестуют против общества закрытого от Бога, но к Богу не обращаются, анализируя свое существование как трагическое, во всяком случае довольно-таки драматическое. Они понимают всю условность нового порядка, основанного на овладении природой, в том числе природой человека. Новые государства ни на чем не основаны: гностики осознают это даже острее, чем христиане.

Самое общее, что могут представить себе гностики, есть универсальное и однородное государство. Но такое всемирное государство является наибольшим злом для души того же гностика. Вернуться же на уровень нации и национального государства такой мыслитель тоже не может. Он с самого начала оттолкнулся от национальной ограниченности как от *малого порядка*. Если национальное государство представляется ему врагом, тюрьмой, то вселенское государство – тюрьмой абсолютной.

По выражению Лео Штраусса, всегда найдутся люди, готовые восстать против универсального и однородного государства, но протест их, скорее всего, будет нигилистическим:

Всегда будут люди (мужи, ἄνδρες), которые восстанут против государства, которое разрушает человека, в котором больше невозможно благородное действие и великие дела. Такие люди могут скатиться к чистому отрицанию всеобщего и однородного государства, в отрицание, не просвещенное никакой положительной целью, в нигилизм. Хотя такая нигилистическая революция, наверно, обречена на неудачу, когда возникнет всеобщее и однородное государство, она может оказаться единственно возможным действием во имя человеческой сущности, единственным великим и благородным действием. [43, Р. 209-210]

Уход в частную жизнь

Что еще объединяет мыслителей, которых мы называем «великими гностиками»? Мыслитель видит большой мир, и не может отказаться его видеть. Он видит и то, что происходит в современном ему *малом порядке*. Результатом становится их уход в частную жизнь:

Когда цивилизация распадается и люди спешат укрыться под ее обломками... для реалистического мыслителя это означает, что его большой мир становится миром частным. Вопрос о том, что является публичным, всегда определяется социально доминирующей магией своего времени. Реалистический мыслитель становится частным лицом, потому что у него нет публики, перед которой он может изложить то, что он видит в своем большом мире, не вызывая при этом яростного отвержения, которое может привести к его публичному позору, преследованию и, возможно, смерти, как в случае Сократа. [34]

Почему гностик не может устранииться?

Уход из жизни политической в частную, не означает, что гностик ничего не говорит и не делает. Мыслитель не может молчать, хотя знает, что его слова не имеют власти, потому что они асимволические и аполитические:

Молчать, – продолжает Э. Фогелен, – вот очевидный личный выбор реалиста. К сожалению, проблема не столь проста... мыслитель тоже является частью реальности и, возможно, более твердой и мощной, чем окружающее его общество, потому что нужно обладать большой жизненной силой и силой души, чтобы не дрогнув смотреть на мир, который ищет убежища в малом порядке. Конфликт между двумя реальностями неизбежен. Те, кто живет в своем малом порядке, сочтут, что мыслитель совсем не реалист, а придерживается абсурдных взглядов на мир, потому что усматривает что-то за пределами малого порядка, который для них самих есть истинное сущее (*realissimum*), обнимающее весь их горизонт. Более того, они сочтут взгляды мыслителя аморальными, потому что символы малого порядка, которым противоречат его взгляды, поддерживают порядок. С другой стороны, мыслитель не может подчиниться ведущим магическим идеям общества, потому что они искажают реальность и заставляют верить в порядок, основанный на недостаточном знании мира.

Большой горизонт мыслителя – это не просто знание, которое он может оставить при себе, потому что знание, и особенно знание в сочетании с воображением, рождает нравственные обязательства: он считает, что должен публично обнародовать то, что он узнал, даже если это оскорбляет чьи-то чувства.[34]

Основные пункты расхождения между великим гностиком и обществом

Мы видим основные пункты расхождения между великим гностиком и обществом, охваченным *ре-дивинизацией*:

- Большой мир – Малый порядок.
- Реализм – Символизм, власть символов.
- Знание о том, как устроен мир – Магия, практическая и теоретическая.
- Частная жизнь – Гностическая политика.

Малые гностики

У малых гностиков, хотя они и произошли от великих, нет расхождения с новым обществом. Они согласны с современностью как раз в том, в чем великие гностики с ней не согласны.

Каждый из великих гностиков выступил против *ре-дивинизации* и *малого порядка* по своему частному откровению, несомненно, демоническому. Их невеликие последователи этому озарению в его существе уже не причастны. Они воспринимают часть гностического огня, который несут дальше и дальше, со все более утасаживающим пылом.

По-своему логично, что патологические идеи Достоевского или Ницше передаются их последователям тоже патологическим путем, а не в своем существе. Можно даже сказать, что сама патологическая форма передачи и есть гнозис как таковой, а не те или иные идеи, которые у каждого великого гностика – свои.

В отличие от великих гностиков их малые последователи живут не в большом мире, а в *малом порядке*, ими же и создаваемом. Их устраивает жизнь в тюрьме, если они сами ее построили и работают там в качестве тюремщиков. Если же они критикуют тот или иной *малый порядок*, то делают это с намерением его улучшить или же во имя какого-либо другого малого порядка.

Поэтому малые гностики не уходят в частную жизнь: для них она невозможна. В своем опьянении они думают захватить власть в обществе, а для этого не нужны гностические озарения. Место откровений занимает 1) пустая, то есть нигилистическая, символика и 2) символическая, то есть магическая, власть над умами и телами.

Итак, коллизия в том, что последователи не просто не понимают Маркса и Ницше. Они понимают их ровно наоборот в центральном пункте, и несмотря на это с воспринятым у них же пылом открытия начинают действовать во имя околдовывания, ради создания закрытых обществ. Это становится возможным, потому что малые гностики закрывают свое сознание не только от Божьего мира, но даже от гностической мистики своих наставников: тех же Достоевского, Ницше или Маркса.

Беспочвенность малых гностиков такова, что за душой у них нет ничего: ни Евангелия, ни «Капитала». Почему нигилисты этого не видят? Потому что спят без просыпу, и энергично действуют, не пробуждаясь.

Великие гностики прекрасно понимают ту коллизию, когда рядом со сверхчеловеком возникает карикатура на него: *последний человек* (см. предисловие к «Так говорил Заратустра»[29, С. 11-12]), а рядом с Иваном Карамазовым – исполнитель мечтаний Смердяков.

Отсюда следует тот любопытный вывод, что вся тяжесть критики великих гностиков падает вовсе не на христиан, а на их последователей.

Скажем для примера, что светская мистика Ницше полностью уничтожает и национал-социализм, и правый модернизм Эволы и Генона, и экзистенциализм Хайдеггера. И совершает это именно Ницше, и с совершеннейшим успехом, потому что они произошли от него. Также и анализ состояния современного человека, проведенный Марксом, полностью уничтожает его незаконнорожденных детей: марксизм-ленинизм, «социальное христианство» и т.п.

Всего этого никто из малых гностиков не понимает. Ницшеанцы даже представить себе не могут, что могущественное презрение Ницше более всего направлено на них, а не, скажем, на Паскаля.

Абсурд и бунт

По изложению Альбера Камю, исходная точка у великих и малых гностиков одна и та же: Божий мир не имеет смысла, он абсурден.

Далее, как мы понимаем, пути гностиков расходятся. Великие избирают созерцание, и в их созерцании скрыт демонический бунт против Бога. Великие гностики не ставят себе задачу свергнуть власть конкретной Церкви или государства. Такие цели считают недостойными для себя. Великие гностики ставят задачу свергнуть власть Самой Истины, а не частных истин. Но эта цель недостижима, и если к ней приблизиться, расплатишься рассудком как Ницше.

Малые гностики враждуют, например, против Поместной Церкви, того или иного государства. Их цели практические, достижимые, и они были достигнуты. Хотя в собственном смысле происходит не захват власти, а установление безвластия, но при слепоте, отличающей малых гностиков, сойдет и это.

Малые гностики выбирают бунт в самом конкретном смысле насилия над своим сознанием и совестью. Поэтому великие гностики ломаются, как Ницше. Нигилисты – подсказывают, но не ломаются: их сознание и совесть пластичны.

Нигилизм

Согласно Камю, *нигилизм* возникает тогда, когда идеологи (малые гностики в нашей классификации) присваивают себе право на насилие не в своем сознании только, а в реальном мире. Для него Освенцим и ГУЛАГ – примеры такого нигилистического бунта. Камю пишет:

Переход к праву заявлен в бунте. А тем самым и переход от формулы «нужно было бы, чтобы это существовало» к формуле «я хочу, чтобы было так».[23, С. 128]

Или иначе: «Пусть будет мир таким, как я хочу!» (Новалис). В этом праве на насилие – весь нигилизм, какие бы жизнеутверждающие нотки в нем ни звучали.

Теперь мы начинаем яснее понимать, почему великие гностики упорно отказываются считаться нигилистами: и Ницше, и Маркс, и Достоевский, и Камю. Тот же Ницше, которого иногда считают проповедником нигилизма, не желает иметь ничего общего с этой философией мерзкого *последнего человека*.

Ницше наблюдает в обществе 2-й пол. XIX века следующую картину: новые ценности больше не возникают, а старые уже не авторитетны. Человек уже не верит ни в прогресс, ни во всемогущество разума, ни в демократию, но как раз это всё мелочи. Бунт против Бога привел к культуре смерти, культуре ничто. Вот главное событие нашего времени, которое означает, что в мире не осталось ничего достойного, чего бы стоило желать, то есть высшего Блага, на которое можно было бы ориентироваться. Нигилист, в таком случае, это тот, кто говорит: так давайте будем желать этого Ничто, то есть чего угодно. Девиз нигилизма, согласно Ницше: «Нет истины, все позволено».[29, С. 197]

Соглашаясь с тем, что Истины нет, Ницше все-таки полагает, что он победил нигилизм одним своим речением: «Нет, сверхчеловеку не все позволено». Есть нечто такое, что для него слишком низко. Для нигилиста же, как мы понимаем, ничто не низко, он завоевал свое «право на бесчестье».[15, С. 288, 300] «Сверхчеловек» для Ницше – это уже не бунт, а утверждение жизни. Мир гностика снова стал большим, а ценности подверглись переоценке и опять стали ориентиром.[42, Р. 29-30]

Напомним также, что Маркс, невольно создавший великую идеологию, сам употребляет слово «идеология» исключительно в негативном смысле. Он хотел не заменить одну идеологию другой, а увидеть и показать мир таким, каков он есть.

Зачем мы делим гностиков на больших и малых?

Мы увидели, что отличает великих гностиков от малых. На какие проблемы это проливает свет? Бегло перечислим их.

Две реальности: истинная и ложная

Мироотрицание объединяет всех гностиков: отрицание мира, созданного и управляемого Богом. Однако великие гностики отказываются выйти из мира в выдуманную ими самими реальность. Они считают низким совершить насилие над своим сознанием, и поэтому становятся великими разоблачителями всякого рода выдуманных реальностей. Там же, где они сталкиваются с реальностью подлинной, они терпят личную катастрофу.

Малые гностики, напротив, это первейшие и наиболее солидарные граждане реальности, ими же и выдуманной.

Действие и созерцание

Гностики любого рода в равной мере суть порождения *ре-дивинизации*, но одни протестуют против нее в своем умозрении, а другие безудержно и слепо действуют во имя вторичного околдовывания мира людей.

Никто из гностиков не может признать, что человек благ по своей природе, так как слова «добродетель» и «природа» потеряли смысл. Их протест рождается из гностического озарения, которое было подготовлено уже упомянутым *самооткровением личности* и обострением эстетического чувства. Поэтому наиболее сильный гнозис – созерцание человеческой личности и природы. Здесь уже не до персонализма или трансгуманизма, как идеологий, связанных с символом «Личность» и с околдовыванием мира вещей. Они остаются уделом гностиков второго разбора.

Созерцательный гнозис бесконечно сильнее гнозиса активистского, что указывает на то, какова природа созерцания и созерцательной жизни.

Уровни

Отделив великих гностиков от малых, мы увидели, что универсальный закон действует и здесь: всюду есть знающие и есть не знающие.

Смерть идеологий

Мы также начинаем понимать, каков конец двух разных путей, которыми идут два рода гностиков. Наступает *смерть идеологий*. Никто уже не протестует против *закрытости* и *ре-дивинизации*. Великие гностики, к счастью, больше не рождаются, а их слова мертвы для их же последователей.

Нигилизм великих уничтожает нигилизм малых. Но что в этом случае значит гибель идеологий? Гнозис великих не действует, а нигилизм малых разоблачен ходом событий. Их малые порядки либо рухнули, либо разоблачены как мнимые.

Старое и новое

Наблюдение над великими и малыми гностиками подтверждает тот феноменологический закон, что древнее всегда сильнее нового. Старые гностики страшнее новых, а новые ниже и таже старых. Гнозис идет по пути фальсификации и угасания.

Моральная сторона гнозиса

Великие гностики видят ложь идеологий и осуждают ее. Оно и понятно, ведь антипод сверхчеловека (последний человек) есть аморалист *par excellence*. Такой своеобразный модернизм можно обнаружить даже у марксистов. Я уж не говорю об омерзении Ницше, с каким бы он посмотрел на забавы и заботы современных его последователей.

Отсюда мы выводим ту мысль, что эмоциональное, моральное и эстетическое возмущение злом – это еще не все. Есть нечто иное и лучшее, к чему призваны только христиане.

Все идеологии – это нигилизм, ни на чем не основаны

Великие гностики не основывают идеологии в прямом смысле, и поэтому не могут быть столпами новых режимов. Все обращение к Достоевскому или Ницше – фальсификация.

Благодаря различению двух разных пород гностиков мы установили, что малый порядок – это всегда нигилизм. Не только большевистская революция, но и смерть революции, и Троцкий, и Сталин – все это нигилизм.

Много – мало

Великих гностиков можно пересчитать по пальцам, малым несть числа.

Вражда между гностиками

Гностики двух разрядов враждуют между собой, и по тем же мотивам: закрытость, открытость, светский мистицизм, – по которым

Новое время враждует с Христианством и Христианской эпохой в истории.

Символика и эзотерика

Мы также можем уточнить место символики в политическом гнозисе. Символика предназначена для масс, это экзотерическая мистика, а для избранных остается мистика даже не эзотерическая, а просто личная, единичная, и поэтому не транслируемая во вне. Содержание этого тайного знания следующее: «Сверхчеловек – это просто человек, любой человек».

На чьей стороне победа?

Если нам нужна победа над модернистами любой ценой, то никто лучше великих гностиков с этим не справится. Перед лицом Истины сверхчеловек Ницше есть ничто, блуждающий огонек. Но как молот на малых гностиков, в особенности же правых модернистов, это мощное оружие. То же самое мы отмечали относительно открытия Маркса.

Только христиане понимают открытия великих гностиков, и они нам не нужны. Победа нам нужна, но не любой ценой.

И вот особенно яркий пример: гнозис Достоевского и его сила, сокрушающая не Христианство, конечно, а православный модернизм. Рассмотрим этот случай несколько подробнее.

Православный модернизм – нигилизм

В соответствии с избранным нами методом, обратимся к фигуре основателя православного модернизма и выясним, что за идеология выросла из его гнозиса и какие разрушения его озарение произвело в душах последователей.

«Символ веры» Достоевского

Основателем православного модернизма был Ф. М. Достоевский, переживший момент гностического озарения в ссылке. В письме 1854 года к Н. Д. Фонвизиной этот момент отразился следующим образом:

Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений сто-

ила и стоит мне теперь эта жажда верить,⁹ которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.[16, С. 176]

В этом символе веры мы видим две стороны, характерные для других великих гностиков: нигилизм и преодоление нигилизма.

Нигилизм здесь – отрицание мира, созданного и управляемого Богом. Для гностика неверие и сомнение – всего лишь естественная реакция на то, что мир устроен именно так, как он устроен Богом. Колебания в вере до самой гробовой доски не только не плохи. Именно они и отличают истинного «христианина». И, как мы знаем из писем Достоевского, они действительно его сопровождали до конца дней.[17, С. 149]

Тут главное не сами эти колебания, хотя они и дают обильную пищу для извращенного психологизма в сочинениях и в жизни Достоевского. Главное – их положительная оценка, потому что, по Достоевскому, нигилисты не виноваты в нигилизме, а неверующие (то есть сам Достоевский) – в своей неверии. В нигилизме, согласно Достоевскому, виноваты Христианская Церковь и христианское государство,¹⁰ а в конечном счете – Сам Благой Творец.

Положительная, уже не нигилистическая, программа Достоевского состоит в принятии Божьего мира как беспорядка, где над всем или, вернее сказать, подо всем звучит мощное «если» (см. Лк. 23:35, 37, 39). Такой «символ веры» невозможно помыслить: он совершенно не вмещается ни в какое сознание. Символ веры Достоевского

⁹ Ср.:

– Я хотел лишь узнать: веруете вы сами в Бога или нет?

– Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... – залепетал в испуге Шатов.

– А в Бога? В Бога?

– Я... я буду веровать в Бога.[15, С. 200-201]

¹⁰ См. «Легенду о Великом инквизиторе», где инквизитор – Православная Церковь (чудо) и православный царь (авторитет) в одном лице.

можно только исповедать, разрушив тем самым свое сознание, и извлечь из этого взрыва гностическую энергию (смысл жизни).

Почему Достоевский описывает Церковное Христианство в лице Великого инквизитора? Его идея та, что настоящее Христианство невыносимо для обычного человека типа Лужина, Лебезятникова, старца Ферапонта. Обычный человек или верует, или не верует. Если он верует, то верует догматически. Если – хороший человек, то соблюдает заповеди. Обычному человеку, то есть собственно христианину, эти две вещи: вера и нравственность, мешают принять «Христианство по Достоевскому».

Символ веры Достоевского взрывает сознание, лишает человека разума, и поэтому подходит только для «идиотов», «униженных и оскорбленных» вроде Настасьи Филипповны, всей семьи Мармеладовых. Таких, неверующих и безнравственных, гораздо больше, чем верующих и нравственных людей. Они и составляют мистический «русский народ». Мифология Достоевского допускает особое существование «великих отверженных», типа Свидригайлова.

Мы лишь намекнули на основную мысль Достоевского, которая лежит под его символом веры. Наши читатели могут, если захотят поразмыслить над тем, что, согласно Достоевскому, человек свободен верить и не верить, совершать грех или добродетельные поступки. Он совершенно ничем не детерминирован, ни к чему не принужден. Тут нетрудно обнаружить аналогию с тем, что политические мыслители предполагали создать государство из людей, не руководствующихся разумом.

Как раз нормальные люди считают, что это совсем не так, и поэтому для них «христианство Достоевского» заказано. Они не имеют дерзновения спастись равным образом через грех и добродетель, через веру и неверие. Да и государства, составленного из безумцев и безумцами руководимого, они представить себе не могут.

Гнозис Достоевского социально не эффективен

Отметим, что гнозис Достоевского не становится социально эффективным. Он взорвет любой малый порядок. В таком собрании невозможно было бы согреться, а малым гностикам «необходимо тепло».[29, С. 11] Антиполитический, антигосударственный мотив Достоевского получил мощную поддержку со стороны еще одного великого гностика: Льва Толстого, чей гнозис до сих пор сохраняет свое влияние в православном модернизме.

Достоевский *созерцал* Церковь, состоящую из спасающихся верой и неверием, нравственностью и безнравственностью. Достоевский не предполагал, что созданием такой Церкви в XX веке зай-

мутся социальные инженеры. Его удовлетворяло могущественное созерцание, а грязная работа по сколачиванию такой общины была для него низка.

Если ты, я и все мы умрём, то, конечно, нет никакого смысла заниматься такой несущественной вещью, как богослужебная или административная реформа. Человек, который когда-либо задумывался о смерти, не будет это делать, а Достоевский, конечно, задумывался и делал это серьезно, как мы знаем на примере Кириллова из «Бесов».

Модернисты и Достоевский

По ходу истории «идиотов» и «оскорбленных» становится все больше. Ко времени Февральской революции они начинают задавать тон в Церкви и в обществе, особенно в лице ближайших учеников Достоевского: митр. Антония (Храповицкого) и митр. Сергия (Страгородского). Так личный и созерцательный гнозис великого Достоевского становится политическим фактором и руководством для реформы Христианства, а заодно и общества.

В практическом смысле гностическое озарение Достоевского привело его к тому, что, не отрекаясь от нигилизма, нечаевщины, он пришел в Православную Церковь как ее незванный апологет и никем не призванный апостол. Эту модель поведения его последователи повторяют уже 170 лет.

Чехов по-своему пронизательно оценил ситуацию начала XX века. Он писал С.П. Дягилеву:

Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. Хорошо это, или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, – само по себе, а вся современная культура – сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя... Теперешняя культура – это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает.[35, С. 232-233]

Обратите внимание на точный анализ. Атеист Чехов еще отличает верующих от неверующих и не верит, что интеллигент может стать верующим в прямом смысле слова.

Не предвидел Чехов только одного: дальнейшего развращения русского общества и упадка умственных способностей. Все это и привело неверующих в Церковь: отсутствие ума и совести хотя бы на уровне народников конца XIX века. Только безумные могут принять «символ веры» Достоевского.

Образованная часть общества не становится верующей: ни розановы и булгаковы, ни эмигрантские шмеманы и мейендорфы, ни ре-эмигранты Шпиллер и Старк, ни советские интеллигенты кураевского разбора. Интеллигенция не становится верующей, но это не мешает ей приходить в Церковь, потому что Церковь постепенно утрачивает власть изгонять неверующих.

Не поняли Достоевского

Модернисты лишь смутно представляют себе, что произошло в центре взрыва. Им достаточно света и шума, который он произвел. Они до сих пор повторяют тезис о полной свободе человека, но никто из них не понимает, что это на самом деле значит: иметь полную свободу творить добро и зло.

За полтора века лет модернисты придумали и сделали довольно много вредного, но первоначальное озарение Достоевского остается бесконечно более радикальным и, к счастью, не было ими понято и не было продолжено.

Однажды уже было показано, что православные модернисты не поняли Ницше.[38] То же самое можно сказать и про Достоевского. Да, модернисты поучились у Достоевского, но патологическим образом. Они развили до логического предела некоторые (не все) абсурдные, аморальные и разрушительные для государства и Церкви выводы писателя. Но самую суть его открытия они не поняли. Это видно уже из того, что они пытаются логически следовать за Достоевским, тогда как за ним можно следовать только алогически.

Они пытаются примирить неверие Достоевского и социальную инженерию, то есть нигилизм. Это, с одной стороны, логично, но извращает самую суть открытия Достоевского: на Христианстве в этом мире и в душе невозможно ничего основать. В том числе на гнозисе Достоевского нельзя построить никакую организованную религию, даже секту, даже лжецерковь.

Становясь последователями Достоевского, модернисты показывают, насколько плохо они его понимают. С Достоевским надо бороться, потому что это единственный способ ему следовать. Ведь од-

ной мысли Достоевского, одной фигуры *подпольного человека* достаточно, чтобы стереть с лица земли весь православный модернизм. Модернист не решается увидеть это.

Модернизм – богохульство, а не атеизм

Обратим внимание, что вся эта картина хорошо вписывается в процесс вторичного околдовывания (ре-дивинизации). Человечество не возвращается к древнему государственному язычеству.

Новые боги не появляются, потому что даже в постхристианском обществе слишком сильно знание о том, что человек – не Бог. Богоборец, отрекшийся от Христа, извещен о том, Кто есть Бог, и он столь же твердо знает, что сам он – не Бог.[44, Р. 135]

Поэтому религиозным центром *ре-дивинизации* становится не атеизм, а богохульство, то есть акт демонической «веры» (воли), не объяснимый ни психологически, ни из религии. Следуя этой своей воле, некоторые из неверующих идут в Церковь и становятся Ее внутренними врагами. Вся история православного модернизма определяется тем фактом, что есть такие «дети века, дети неверия и сомнения», которые почему-то не могут не осквернять Церковь своим присутствием, своей неверностью Истине.

Низость

Осквернение, недочеловеческая низость являются неотъемлемой частью модернизма. В самом деле: для чего неверующему выдавать себя за православного? Зачем оканчивать семинарию, принимать сан и позорить Церковь своими высказываниями и поведением? Так может поступить только *последний человек*, этот червяк под ногами сверхчеловека Достоевского. В этой оценке модернистов христиане согласны с великими гностиками, и с самим Достоевским прежде всего. Завоевывая власть в Церкви, последователи Достоевского становятся «инквизиторами», пусть и не такими уж великими. Какая в этом скрыта ирония!

Церковная реформа, проводимая *последними людьми*, не отмечена никаким величием. Даже А. В. Карташев, и сам известный нигилист и наследник Чернышевского и Добролюбова, писал:

Настоящих мистиков Церкви мало интересует то, что называется церковной реформой. Такие носители церковной мистики, как Феофан, епископ Полтавский, или ее теоретики, как профессор-священник П. А. Флоренский, этими вопросами не интересуются. Им важны глубины догмы и культа, до

которых не дохватывают мелкие мерки церковного неустройства или благоустройства. В самом деле, ведь ничего религиозного нет в том, чтобы организовать приход на началах юридического лица, в том, чтобы реформировать консисторию и бракоразводный процесс, чтобы реорганизовать Синод, урегулировать положение обер-прокурора, учредить патриаршество, снять государственный запрет с функции соборности. Это вещи, о которых говорят в Государственной Думе политики, иногда вовсе безрелигиозные... Реформа Церкви дело не религиозное.[24, С. 7-8]

Модернизм как политическое событие

Православный модернизм, то есть нигилизм, – это явление социально эффективное. Говоря в терминах нашего исторического введения, *малый порядок* модернизма удалось построить на *закрытости* души от Бога. Православный человек говорит о «традиционных ценностях», но не о добродетелях и пороках? Значит, он неверующий и аморальный человек, который на своем неверии хочет основать Церковь, а на своем аморализме – новую семью и государство нового типа.

Модернисты захватывают Церковь и делают ее обществом, закрытым от Бога. А если русский православный модернизм кажется вам тюрьмой, добро пожаловать в экуменизм – тюрьму уже глобального масштаба. Наскучив универсализмом, можно снова найти убежище в отечественной модернистской традиции Булгакова, Флоренского, Бердяева, Франка.

Модернизм и общество едины

Как и ре-дивинизация (вторичное околдовывание) в целом, православный модернизм – это политическое явление, часть истории России. В XX веке Церковь становится частью общества, как нас на разные лады уверяют модернисты. Из этого следует, что Церковь и есть русский народ в его современном политическом и духовном состоянии. Церковь свободна и ничем от общества не отделена, несмотря на то, что теперь это общество закрытое от Бога.

Христиане становятся такими же, как окружающие их неверующие, а неверующие – такими же, как христиане. В чем-то лучше одни, а в чем-то – другие, но все страдают теми же духовными болезнями и культивируют одни те же добродетели, полезные для выживания в развращенном обществе. Члены Церкви мыслят о Боге

по-мирски: богословский модернизм, об обществе – идеологически: обновленчество, сергианство.

В Церковь еще до революции 1917 года начинают приходиться новые люди, не пережившие обращения ко Христу. Можно говорить о притоке в Церковь *черни*, называемой в России термином «интеллигенция». Первые ласточки: Соловьев, Флоренский, Эрн, Ельчанинов, Свенцицкий, Дурьлин, Введенский. Последние: Давыдов, Шишков, Цырельчук (намеренно не расшифровываю, кто это такие, чтобы читатель ощутил дистанцию, которую за столетие прошел модернизм).

Победа модернизма над миром

Сошедшие с ума под действием гнозиса Достоевского, уже самые ранние модернисты поставили перед собой задачу: не враждовать с миром, соединиться с ним, и объявить все это «победой Христианства». Тем самым они показывают, что являются врагами Истины, и для них безразлично: победа Истины или победа над Истиной. Получается прямо по Гегелю: обмирщение Христианства равно освящению мира.

Модернистская деятельность по обмирщению Церкви иррациональна. Свои нигилистические, абсурдные планы они формулируют по-разному, но одинаково мечтательно и одинаково тоталитарно.

Одни, как Василий Розанов, предлагают привести мир в Церковь:

Отдайте храм миру, как Бог дал скинию в руки Израиля: и вы получите церковный народ – не мечтательно-религиозный, который теперь бежит чуть ли не в буддизм и язычество, а практично-религиозный.[20, С. 41]

Другие предлагают более скромный план: Церковь должна освятить собой мир внешний. Модернист воображает, что он играет важную роль в мироздании. Модернист располагается в мире, отступившем от Бога, и его «освящает», священнодействуя в центре мира, враждебного Христу и Его Церкви.

Такую победу над миром можно одержать в одном своем сознании, ничего не делая в мире внешнем. Но это план и более трезвый, потому что стало ясно, что мир ни на каких условиях не собирается входить в Церковь.

Все эти проекты скромные на фоне великих преобразований, сильные для исполнения, и все они ведут не к изменению мира, а к порче Церкви.

Об абсурда к бунту, от бунта - к нигилизму

Православный модернизм повторяет схему, предложенную Каю, о которой мы говорили выше.

Модернизм видит абсурдность мира, возникшего в Новое время, и реагирует на это через бунт. Бунт закономерно приводит модернистов к нигилизму, как праву на насилие: «Пусть мир будет таким, как я хочу». Мы прекрасно знаем, что модернисты не сомневаются в своем праве менять Церковь, «спасать» ее, возвращать ее в прошлое или направлять в будущее.

К концу XX века чернь начинает диктовать свои законы Церкви. Нигилисты устанавливают в ней режим, построенный на отрицании Истины и разума Истины. Сегодня можно говорить о победе модернизма над Церковью и, в этом смысле, о победе модернизма над миром.

Нигилизм здесь ясно выражается в прагматических операциях с абсурдом. Как неверующему наилучшим образом устроиться в Церкви? Как ему не быть разоблаченным? Как ему привлечь к себе таких же неверующих, как он сам? Как не подвергнуться «профессиональному выгоранию», все время изображая из себя верующего?

Проблемы ведь огромные: неверующему в Церкви приходится все время управлять своим сознанием, обманывать себя и других, лицемерить, прибегать к ментальной резервации, двуязычию, тайной компенсации, направлению намерения и другим иезуитским приемам. Он все время вынужден изобретать все новые софизмы, чтобы доказать, что неверие – это и есть самое истинное Православие, а кощунство – благочестие и т.п.

Уникальность православного модернизма

Мы описали модернизм, как полностью погруженный в эпоху Отступления: здесь и *ре-дивинизация*, и закрытость малого порядка и самой души, и абсурдизм с нигилизмом. Здесь все та же война против Истины и за полное уничтожение разума.

Есть ли в модернизме хоть что-нибудь своеобразное, кроме фигуры отдельного основателя: Достоевского? Модернизм едва различим на фоне великого движения человечества к концу света. Поэтому христиане до определенного момента могли спокойно наблюдать за Отступлением, в сердцевине которого – война титанов гностицизма с их безобразными порождениями.

Почему это вдруг стало касаться христиан, становится их делом? Уникальность ситуации с модернистами в том, что мы не можем

смотреть на модернистов со стороны, потому что они члены Церкви. Из этого рождается православный антимодернизм.

Антимодернизм в истории Нового времени

Мы представили историю Нового времени от начавшейся *ре-дивинизации* до появления ее могущественных критиков. Определяющими чертами Нового времени мы назвали: абсурд, бунт, нигилизм, вторичное околдовывание (ре-дивинизацию), закрытость, борьбу за полное уничтожение разума и вражду против самой Истины.

Главный наш вывод на данный момент был тот, что великие гностики: Ницше, Маркс и т.д., – вовлечены в Отступление и, в конечном счете, виновны в том, что в XX веке возникают нигилистические режимы. Несмотря на все это, великие гностики являются наиболее могущественными противниками *ре-дивинизации* и нигилизма.

Мы продемонстрировали эти тезисы на примере православного модернизма. Теперь нам предстоит обозначить, какое место в этой истории занимает Христианство.

Христианство в истории

Наше наблюдение сводится к тому, что история отступившего человечества идет своим чередом. Град человеческий рождает свои ложные основания (а для этого нужны великие силы) и сам же их ниспровергает (в этом тоже есть некоторое величие). Христианство никак не касается этого исторического процесса. Христианство не включено в схему развития или упадка человечества. У него нет никакой роли в эпоху Отступления, и в этом нет никакого унижения, никакой ошибки, никакого рессентимента (Ressentiment). Причина лежит в самом основании вещей: Град Божий имеет свое отдельное начало и конец, то есть свою отдельную – священную – историю.

Христианство не имеет основания в человеческой истории: его основание потустороннее, трансцендентное. Христианство не определяется его местом в мире. Даже противоречие с Новым временем никак Христианство не определяет.

Следовательно, христиане не обязаны вмешиваться в исторический процесс. Ведь Христианская Церковь не виновата в том, что происходит Отступление. Вопреки тому, что формулируют «Основы социальной концепции», у Церкви нет никакой роли в решении социальных проблем. Не она их создала, и она не может их решить. Собственно, их никто не может решить: ни великие гностики, ни

нигилисты, так почему надо обращаться к Церкви за разрешением этих вопросов?

Новые люди отвергают истину. И что, в таком случае, может их исправить, если сильнее Истины ничего нет? Что может наставить людей, отвергающих пособие со стороны своего разума?

Вспомним еще раз, что модернисты не слушают даже Достоевского, которого на словах почитают. Марксисты не реагируют на разрушительный для них анализ Маркса. Правые модернисты не реагируют на мощные обличения Ницше. Какова тут может быть роль христианских обличений? После великих гностиков нам уже нечего обличать в современности.

И даже наше согласие с современными нам великими гностиками, мы никак и ни для чего не можем употребить. Высказываемые ими истины отравлены, не поучительны, не могут быть воспроизведены.

Это не наша борьба

Итак, христианам надо смириться с тем, что это не наша борьба, «Nicht mein Kampf». Но это не значит, что мы не должны видеть очевидного.

Да, человечество сбросило с себя иго Христово. Сделать с этим ничего нельзя, но это не значит, что над этим не надо думать. Препревание Христовой Церкви измеряется не согласием или несогласием с историческим процессом, а тем насколько праведен ее суд над миром.

Христианин понимает свое время, ознакомился с его духом. Ознакомившись, он отверг этот дух, не согласен с ним ни в чем, и всем этим христианин отличается от модерниста.

Между душой христианина и душой модерниста проходит непреодолимая граница, и ее охраняет благодать Христова. Мы исследуем глубину пропасти между православными и модернистами, и эта пропасть бездонна.

Основные направления антимодернистской критики

В рамках нашего проекта «Антимодернизм.Ру / Два града» мы занялись исследованием политического гнозиса, чтобы относиться сознательно к тем дарам и тем открытиям, которые нам предлагает современная цивилизация.

Исследование показывает, что у Христианства с Новым временем многосторонние (то есть всесторонние) противоречия, затрагивающие многие (то есть все) стороны человека. Православный –

это тот, кто прав во всем, так как Премудрость Божия, Истина, область порядка многообразна. Поэтому нас не устраивает критика какой-либо одной из сторон Нового времени.

Антимодернизм, как Христианство эпохи Отступления, отличаются:

- открытость,
- разум Истины, учение о сущности и благодати,
- понятие о власти, политическая, гражданская мысль,
- понятность, искусство чтения, расколдовывание языка.

Обозначим основные пункты расхождения между антимодернизмом и модернизмом.

Абсурд

1. Модернизм исходит из представления о том, что мир Божий абсурдно устроен. Причину этой иррациональности модернисты находят в Самом Боге.
2. Антимодернизм тесно связан с философией порядка и исповедует богословское учение о благодати, которая, по св. Григорию Паламе, является познаваемой. Мир человеческий абсурдно устроен (рас-строен) самим человеком, и это неустройство имеет конкретную политическую, историческую и духовную форму. Сюда относится и патологическое сознание модерниста (беспорядок в душе), и беспорядок, создаваемый им в обществе и в Церкви (беспорядок в обществе).

Бунт

1. Из модернистского представления об абсурдности тварного мира и о беспорядке в области сверхъестественного вытекает бунт. Человек берет на себя ответственность за свою свободу, свободно изменяет свою природу, исправляет недостатки бытия.
2. Антимодернизм отказывается изменять и старое, и новое. И даже этот отказ является для нас проявлением не своеволия, а разума.

Вражда против Самой Истины

1. В модернистском гнозисе человеческие мнения заменяют собой Истину.
2. Истина не нуждается в нашей защите, а мы нуждаемся в ее защите.

Закрытость

1. Неверующие создают из Церкви общество, закрытое от Бога. Такова их особая политическая организация. Чтобы никто не видел, что они самоорганизовались, модернисты, как могут, препятствуют разумению Истины.
2. Христианин – член Церкви, то есть сверхъестественного порядка благодати, и тот же христианин живет в открытом мире, где главенствует порядок, установленный Богом. Поэтому христианин видит в мире, обществе и Церкви то, что модернисты запрещают ему видеть.

Борьба за полное уничтожение разума

1. Мнения заменяют собой не только Истину, но и знание, как путь к Истине. Лучшим средством для согласия с абсурдом, с естественным и сверхъестественным беспорядком является полное уничтожение разума в человеке. Отсюда произошли: иррационализм, антиюридизм, адогматизм, многочисленные приемы остановки мысли, запрет на определения и доказательства, патологическая речь и гностическое искусство чтения.
2. Антимодернист не отделяется от общего ума. Он видит абсурд только в мыслях, словах и делах модернистов и им подобных гностиков.

Нигилизм или, иначе, малый порядок

1. Увидев устроенный им же самим беспорядок в душе и обществе, новый человек своими силами пытается навести хоть какой-нибудь порядок. Результатом такой позиции является нигилизм, когда на месте порядка создается малый порядок. В малом порядке невозможно согласие людей между собой, так как уничтожение разума исключает установление единомыслия. По этой причине сохранение *видимости* единства для архитекторов малого порядка становится вопросом жизни и смерти.
2. В глазах модернистов антимодернизм выглядит как крайний нигилизм, бунт и раскол, потому что разоблачает видимость ложного порядка. Чтобы убедить подчиниться малому порядку, христиан пытаются запугать. Однако страх смерти не действует на христиан определяющим образом. Не получается всех закрыть в закрытом обществе, и это необратимо повреждает его единство.

Безвластие или, иначе, символическая власть

1. Отказ от Истины и от разумения истины делает людей безумными, неуправляемыми дикарями. Это та реальность, с которой

создатели малого порядка готовы бороться с помощью светской магии, то есть идеологии. Православных христиан тоже пытаются околдовать светской, естественной магией единства, которая так сильно действует, например, в современном российском обществе. Это единство ради единства, единство как таковое, а не единство в том или в этом. Ведь люди имеют разные мнения, разные веры, разные культуры, и руководителям человечества приходится иметь с этим дело. Привести это к видимости порядка можно только новой, странной, символической властью, свободой и властью мнений.

2. Мы оцениваем современное состояние мира как беспорядочное. Символической власти мы отказываемся подчиняться, так как это не власть, а род безвластия. Против власти символов единства, например, против «ценностей», мы протестуем в свою меру, незаметную на фоне могучего протеста великих гностиков. Протест, нравственное возмущение – не самое главное для нас. В ответ на миф единства мы отличаем в Церкви христиан от модернистов, а в обществе – граждан от неграждан, а хороших граждан – от плохих. В нигилистическом малом порядке – это мысленное преступление против единства Церкви и государства. Антимодернист не поддается колдовству символических богов века сего, и поэтому объявлен неверующим и бунтовщиком.

Власть тайны (понимание непонятого) и неграмотность

1. В Церковь свободно входят неверующие, потому что с некоторого времени невозможно выяснить, кто верующий, а кто нет. Действует заявительный принцип: человек православный, потому что он говорит, что он православный. Понимать понятное (например, то, что модернисты – не православные) запрещено. Вместо этого предлагается иррационально понимать непонятое. Неграмотность становится нормой, умением, наукой, способом отучить учиться.
2. Мы упорно понимаем только понятное и отказываемся понимать непонятое. Мы отказываемся быть неграмотными, хотя грамотность в прямом смысле и не является общеобязательной.

Итак, по каждому пункту у нас с модернистами есть прямое, грубое и политически понятное расхождение.

Антимодернизм – самостоятельная позиция

И все-таки антимодернизм есть не только отрицание, спор, контроверза с модернизмом, но прежде всего самостоятельная пози-

ция. Мы разделяемся с идеологами и модернистами по вопросу об истине, а не по несходству во мнениях. Так как Истина существует, то антимодернизм все равно бы существовал, не будь никакого православного модернизма.

Если взглянуть шире, то окажется, что перечисленные пункты расхождения не определяют место Христианства в мире. Они даже не объясняют, почему Христианство не от мира. Основания этого бесконечно более глубокие.

Христианство не просто не согласно с современностью по тем или иным пунктам: «Вы так, а мы вот так». Оно существует вообще вне связи с Новым временем.

Как такое возможно, можно попробовать понять через так называемые *странные сочетания*. [11, С. 59-66]

Коллективизм или индивидуализм

Возьмем простой пример. Христиане – не «коллективисты», но они и не «индивидуалисты». Их нельзя назвать сторонниками «массы» или, напротив, «элиты».

Этими словами нас невозможно описать и прежде всего потому, что эти слова из патологической речи. Ими нельзя пользоваться вообще. Христианство можно описать только с помощью разумных понятий, соответствующих предмету, и разумным языком.

Как только мы скажем, что Христианство – религия массы или религия избранных, мы становимся идеологами. Мы в той же мере не коллективисты, в какой мы не поклонники элиты. И мы не элитисты, но не потому, что придерживаемся противоположной идеологии.

Мы одинаково далеки от любых соперничающих фракций и говорим о них только для того, чтобы исследовать пропасть между нами и миром.

Ничего не менять

Антимодернисты предлагают не менять ни старого, ни нового. И это самая радикальная позиция из возможных, потому что она ни старая, ни новая, ни конформистская, ни революционная. Мы не нигилисты, потому что не говорим миру: «Будь таким, как я хочу». Мы оцениваем Церковную и общественную ситуацию как такую, которую невозможно ни улучшить, ни ухудшить.

Следовательно, мы невидимы для современного человека, ведь все не современное и не древнее для него не существует. Для него мир есть механизм, который можно испортить или исправить, но

нельзя оставить как есть. Он не способен увидеть мир вне представления о прогрессе или упадке.

Единство

Мифу «единства» во всех его видах Христианство противопоставляет интеллектуально постижимое разделение человечества на два града: град Божий и град человеческий.

Разделяясь с миром, христиане едины с человечеством в единственно возможном смысле. Единство людей, их наиболее полное общение состоит в единомыслии. Согласиться с доказательством (не обязательно в форме правильного силлогизма, но и в ней тоже) – это уже полное единство, достаточное свидетельство того, что мы единомышленники.

Государство

Христиане – образцовые граждане, но очень плохие граждане развращенного общества. Как их, в таком случае, оценить со стороны? Если их преследуют как бунтовщиков, то поступают несправедливо. Но и конформизм их особого рода. Им невозможно поставить в вину соучастие в преступлениях.

Церковь

Мы утверждаем, что у православных нет единства ни с екуменистами вне Церкви, ни с модернистами внутри Нее. И делаем мы это именно потому, что исповедуем догмат единства Церкви по Символу веры.

Речь

Мы говорим только как христиане и только для христиан, но то, что мы говорим, важно для всех. Наша речь обращена ко всем, но понятна лишь понятливым, как оно только и может быть. Мы готовы к разумному диалогу, но знаем, что в современном обществе он невозможен. Он невозможен даже для гностиков, и они вынуждены довольствоваться диалогом гностическим.

Частные граждане

Одним самых *странных сочетаний* является то, что христианин всегда находится на своем месте, но в современном в мире ему нет места. Христианин всегда на своем месте, потому что придерживается истины, которой никто, кроме христиан, не может придерживаться.

В развращенном обществе христиане могут быть только частными лицами. В таком обществе только одни христиане могут быть частными лицами. Мы не участвуем в гностической политике, и поэтому не существуем для участвующих в ней. По этой причине христиане незаметны в обществе и в Церкви, хотя ни от кого не скрываются и выступают всегда открыто.

Мы не боремся за власть в развращенном обществе. Ведь, что мешает антимодернисту стать влиятельным? Главным образом, брезгливость: нельзя вместо со всеми участвовать в гонке за успехом.

Мы образованные и простые

Руководствуясь разумом Истины, антимодернисты говорят только о том, что их непосредственно касается. Они задают такие вопросы, на которые может ответить любой человек, и сами дают только простые ответы.

Мы говорим не что-либо новое, а самые обычные, прописные истины, но это вызывает прибавление ума, незаметно для окружающего мира ведет к большей ясности.

Прекрасная деятельность

Об удивительном образе жизни христианина мы должны будем говорить отдельно и подробно. Сейчас мы позволим себе сделать несколько замечаний, вытекающих из исторической канвы.

Да, Христианству в современном мире нет места. Конечно, христиане такие же люди, как все, но находятся вне сравнения и сопоставления с кем бы то ни было.

Христианство стоит вне течения светской истории. Христиане не суетятся, и поэтому кажется, что они бездействуют. Это, конечно, обман зрения. Напротив, можно полагать, что нам доступна прекрасная деятельность, благородное действие (*noble deed*), о котором выше говорил Лео Штраусс.[43, Р. 209-210]

Мы критикуем Новое время по принципиальным и многим основаниям, но в нашей критике происходит продуктивное движение, прибавление ума. В истории по очереди раскрываются знаки конца света, и прежде всего: Отступление человечества от Бога. Их значение нам непонятно, пока все не совершилось до конца. Эти знаки руководят к вере в Бога, покорности Промыслу. Замечать их и значит познать свое время.

Конечно, у нас нет власти что-либо изменить. Мы ни на что не влияем, мы не популярны и не действуем в публичной сфере. Но

зато только мы не участвуем в реформе или консервации Церкви, в революции или контрреволюции. Для того-то и нужны вера и твердое знание, чтобы действием и бездействием не оказаться замешанным в поток Отступления, в грязный поток истории.

Антимодернизм не идеология, не утопия и не антиутопия, а действие с разумом. То, что разум соединен с действием, делает христианское действие незаметным для мира, который враждует против Истины и ставит своей целью искоренение разума.

Простые истины

Христианин занимается своим прямым делом, тем, что его непосредственно касается и чего он не может не делать. И обо всем этом он говорит грубо и просто.

Какое наше самое глубокое и таинственное знание? Оно же самое простое и явное. О нем мы говорим во всеуслышание:

- христиане отличаются от мира,
- в Церкви есть такие люди, которые отличаются от христиан.

Вот такое простое известие, политическое, юридическое в своем существе. Если хотите, то прав был протестантский антимодернист Джон Мейчен (John G. Machen), что в либеральном обществе христиане имеют право на свободу собраний. Следовательно, заключал он, модернисты, обманом захватывая Церковь, нарушают это право.[40, Р. 168-169]

Итак, отложив сложные богословские, философские и литургические вопросы, мы предлагаем обратить внимание на другие проблемы. Например, на такие:

- Почему священник, отрицающий Приснодевство Богоматери,[31] вместо наказания возглавил Отдел по делам молодежи Казанской епархии?[33]
- Почему доцент ПСТГУ распространяет пародию на «Христос воскрес»?[25]
- Почему преподаватель трех семинарий постоянно кощунствует?[30]
- Почему в богословском журнале Православного Свято-Тихоновского университета о неверующих пишут другие неверующие?-[26][19]
- Где и зачем учат вводить новые литургические чины и обычаи?[6]
- Может ли священник быть неверующим, как о. Павел Великанов?[13] Может ли профессор богословия не верить в Промысел Божий?[8]

Почему бы всем нам, антимодернистам и модернистам, не обсудить эти вопросы?

Ведь они, во-первых, нас непосредственно касаются, тогда как к богословию, философии и богослужению модернисты ведь не имеют отношения, не правда ли?

Во-вторых, эти вопросы простые и разрешимые. Ответы на них могут быть только прямыми, и понятны они будут совершенно любому.

Наконец, искать ответ на них полезно непосредственным образом.

Почему истины простые?

Итак, программа антимодернистов сводится к простым выводам, понятиям и приемам. Для этого есть глубокие причины.

Чтобы говорить о богословии, философии, филологии, надо быть специалистом, и даже наилучшим специалистом: знать лучше всех. Однако существуют такие области, где это не нужно: это вопросы политики и религии в той мере, в какой Церковь и государство касаются общего блага, общего спасения.

Давайте скажем прямо: если сегодня завести речь о философии, культуре или богословии, слушатели не поймут даже предмета этой речи. Как видно по тем вопросам, которые я предлагаю для обсуждения, сейчас нужно было бы обучать православных не Катехизису, а тому, как отличить Православие – от кощунства на Православием. Но в том-то и дело, что обучить этому нельзя. Надо знать это до прихода в Православие, потому что это более просто, чем Символ веры.

Итак, мы говорим о модернистах и о том, чем они отличаются от православных. Они отличаются от христиан и, несмотря на это, находятся в Церкви. Критика модернистов, преследование их – вот наша деятельность, ἀσχολία, πράγμα.[41, Р. 167-168]

Преследуя модернистов, мы применяем обыденные определения: говорим о неверии, а не о ереси, называем модернистов безнравственными, кощунниками, глупцами, бесстыдными, неграмотными.

Наши суждения должны быть прямыми и грубыми. Мы должны судить так же, как всегда судили простые верующие. И ведь и это есть начало критики: антимодернисты – такие же верующие, как и все остальные, и они подчиняются тем же законам.

Мы не становимся вне Церкви, чтобы её судить. Мы не раскольники, и не независимые наблюдатели. Мы такие же члены Церкви, как и все остальные, такие же православные христиане и задаем вопросы обычные для христиан всех веков.

Нас разнит с простыми верующими только то, что вдобавок к простой и разумной реакции возмущения и удивления мы продолжаем задавать вопросы, вроде таких:

- Почему о модернизме надо говорить просто?
- Почему говорить грубо?
- Почему рассуждать надо политически, и что значит: *политически*?
- Что значит *грубо*?

Так мы приходим к простым ответам, надеюсь, общественно полезным.

Например, рассуждать *политически* надо, потому что модернизм касается не только нас, но и других людей. Возможно, тебя лично модернизм не касается. Ты считаешь себя свободным от мнений модернистов, хотя тебе не следует быть в этом так уж уверенным. Но даже если это верно, то другой, твой ближний – не свободен.

Вот это и значит рассуждать *политически*.

Еще я называю нашу деятельность, может быть, несколько неудачно, *журналистикой*.

И опять же я понимаю дело очень просто. Говорить надо некоторым новым образом о новом, то есть о том, что ты только что понял. За речью должно следовать прибавление ума, совместное прибавление ума у писателя и читателя.

Ты что-то понял? Объясни другим.

Вот настолько все просто и не заслуживает громкого имени «философии», «науки», «образования», «воспитания». Мы только смотрим на происходящее, видим и задаем вопросы о том, что нам понятно и непонятно.

Приемы

Что же мы можно считать *прекрасной деятельностью* антимодерниста? Когда мы пытаемся отвечать на простые, обращенные к нам вопросы, утверждаемся в простых и грубых истинах, стремимся прийти к скучным выводам.

Чтобы сделать это простое дело, нужны понятия, иерархия и деление понятий, методы, приемы. Нужно изучать авторитетных авторов и источники и знать, какие авторы авторитетны, а какие нет.

Короче говоря, чтобы было просто, нужно провести сложную работу. По-моему, это естественно, и только так и происходит.

Каждый из нас уже имеет какие-то понятия, владеет методами и т.п. Их нужно критически проверить, добавить к ним недостающие инструменты и материалы, чтобы быть во всеоружии. Тогда, называя идеолога *глушцом*, *бесстыдным* или *неграмотным*, мы будем

знать, о чем говорим, сможем дать определение *глупости*, [12] *бесстыдства*, [5] *неграмотности*. [28]

С помощью понятий и методов мы определим, на что нам надо смотреть. Мы проверим: видим ли мы вещи такими, каковы они есть? Правы ли мы во всем? Делаем ли все, что необходимо? Занимаемся ли мы исключительно тем, что нас касается, или смотрим по сторонам? Каковы мы на самом деле?

Так рассуждая, христиане получают в свое распоряжение уже не свои, а классические средства: философию, диалектику, историческое сознание, человеческую речь, – средства доступные всем, а не только христианам. Мы пользуемся той же водой и тем же хлебом, что и любые другие люди, и не испытываем от этого никакого неудобства.

Конечно, христиане все делают не так, как остальные. Но мы точно знаем, в чем состоит это отличие:

Добрые люди для того пользуются миром, чтобы наслаждаться Богом; злые же, напротив, для того пользуются Богом, чтобы наслаждаться миром. [2, С. 78]

Но действительно ли мы пользуемся миром ради Бога, а не наоборот? Будь внимателен, не перепутай.

Примеры

Все наши приемы обычные.

Возьмем наш фундаментальный прием: делить членов Церкви на православных и модернистов. Простой прием, но он проливает свет на очень многое, и именно на то, что от света специально отгорожено.

Для начала этот прием отделяет тех, кто готов увидеть реально существующее разделение, от тех, кто заворочен мифом единства и не видит вещи такими, каковы они есть.

Или другой пример: тезис «Ничего нового» и заповедь: «Ничего не менять».

Ничего не менять очень просто, доступно здравому смыслу, и по преимуществу – здравому смыслу христианина.

Казалось бы, ну и не меняй, что за рецепт такой? Что за решение проблемы? А на самом деле это хорошее решение проблемы, потому что, чтобы не менять, надо сперва многое понять. Нужно выяснить, почему ничего не надо менять и можно ли ничего не менять, если все вокруг меняется. Полезны уже сами размышления над этим, даже если кое-что и кое-где приходится изменить.

Или другой рецепт: от нас требуется всего лишь скучное выполнение долга. И в то же время оно не скучное, а очень даже увлекательное, лично опасное, потому что тут мы идем против века железного. Как в стихах Пушкина: «Здесь счастья нет, но есть покой, воля», – скрыто могучее противодействие, вызов современности.

Желание

Здесь нужна очень важная оговорка: все перечисленное нужно делать по доброй воле, с интересом.

Мы тут ничего нового не придумаем: понятная речь понятна только понятливым. А на деле это значит, что надо *читать*, надо *хотеть* читать Писание и Святых отцов и надо *уметь* читать Писание и Святых отцов. Надо *хотеть* научиться читать. Уметь думать, хотеть думать, уметь судить, уметь спорить, уметь доказывать, – призывы к этому мы знаем и из Ветхого завета.

Но, с другой стороны: не хочешь, не читай, не хочешь, не знай. Не хочешь знать языки, древние и новые? Пожалуйста.

Этому тоже не следует сопротивляться. Мы ведь не сторонники просвещения и не ищем утешения и поддержки со стороны просвещенного человечества.

Есть и всегда будут люди, которые не хотят учиться. Осуждать их не стоит труда. Однако о них надо знать несколько вещей.

Они никого ничему не могут научить, и это делает их бесполезными.

Они не достигают единомыслия с другими людьми через доказательство и разумный диалог.

Они не учатся, и поэтому не знают, но мнят, будто знают. А это уже является пороком невежества.

Больной невежеством не сможет оказать сопротивление обманщикам, то есть бесполезен и для своей души.

Для незнания нельзя найти основания: ни в Писании, ни в Предании, ни в разуме. Если ты не хочешь познавать, если ты не хочешь знать, в каком мире и в какой момент истории ты живёшь, то ты недостижим. Может быть, ты именно этого и хотел: быть недостижимым для других людей. Тогда ты не похож на нас, потому что мы действуем открыто перед всеми.

А наши основания, почему мы исследуем православный модернизм, они исследованы. Мы знаем, что мы делаем. Незнающий не мог бы по совести сказать этого о себе.

Радость созерцания

Предпочтительна такая деятельность, успех которой состоит в самой этой деятельности, а не только в ее результатах. И такая деятельность существует: это умозрение. По выражению Аристотеля: «Начал понимать, и уже понял».¹¹

Так как Истина открыта для всех, ты можешь понимать больше или меньше, но ты её понимаешь. Это уже успех. Ты можешь быть последним из смертных, но ты уже что-то понял.

Даже на примере гнозиса мы отмечали, что созерцание – самое сильное из доступного человеку. Порядок можно только созерцать и ему подчиняться. Любое другое отношение: слишком детальное исследование миропорядка в массовой науке или политическая «воля к порядку» – это уже гнозис.

В созерцании происходит прибавление ума, восхождение к личности,[7] восхождение к общему, к порядку, к Истине. Вот и антимодернизм есть только способ исследования, способ вести мудрую жизнь в развращенном обществе.

Конечно, антимодернизм – это созерцание, умозрительная жизнь, но ее задача не в разъединении с действием, а в соединении, и соединении разумном.

Мы говорили, что гнозис побежден своими же собственными силами. То есть нас вся эта история человеческого Отступления от Бога как будто даже не касается. С ней никто и ничего не может сделать. Ничего невозможно ни улучшить, ни ухудшить.

Уже одно это должно было бы обращать к разуму, к мысли, но происходит обратное: люди отталкиваются от разума, укрываясь в иррациональном.

Мы не можем ничего изменить, так давайте будем хотя бы мыслить правильно. Давайте запретим себе действовать, не подумав.

Даже если гнозис Достоевского победил весь нынешний модернистский гнозис, все равно остаётся необходимость действовать разумно, ради пользы, ради цели. Мы не можем не реагировать на то, что происходит в мире и Церкви, даже если мы в этом совершенно не виноваты (именно это я имею в виду под словами «не касается»).

Уже можно не суетиться, опровергая и борясь с гнозисом. Конеч-

¹¹ «Если в движении заключена цель, то оно и есть действие. Так, например, человек видит – и тем самым увидел, размышляет – и тем самым размыслил, думает – и тем самым подумал (но нельзя сказать, что он учится – и тем самым научился или лечится – и тем самым вылечился); и он живет хорошо – и тем самым уже жил хорошо, он счастлив – и тем самым уже был счастлив... Одно и то же существо в то же время увидело и видит, а также думает и подумало».[4, С. 242]

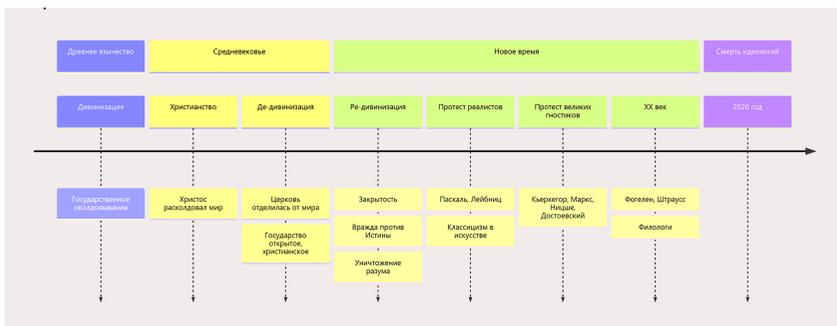

Рис. 1. Историческая схема от древней дивинизации до современной ре-дивинизации.

но, если хочешь – опровергай. Не хочешь – не надо. Наша работа внутренняя.

Все плохо, но мы знаем, чем все кончится. Мы можем радоваться, испытывая полное спокойствие при виде катаклизмов:

Можно испытывать удовольствие на корабле во время бури, если твердо уверен, что корабль не потонет; гонения, обрушивающиеся на Церковь, такого же рода.[32, С. 281]

Выводы

Мы решились следовать заветам свт. Игнатия (Брянчанинова): познать время, понять, почему произошло Отступление человечества от Бога и почему человек не может его остановить. Это потребовало исторического исследования и простых, прямых суждений.

Из Писания мы уже знали, что Христианская Церковь враждует с миром. Теперь мы поняли яснее: христиане ненавидят не мир вообще, а мир им современный. У вражды Церкви с современным миром есть две конкретные исторические причины: в Новое время мир, во-первых, враждует против Истины и, во-вторых, борется за полное уничтожение разума.

Как мы пришли к этим выводам?

В нашем историческом обзоре мы сперва выяснили, что древнее язычество было государственным средством околдовывания.

Христос-Искупитель освободил мир от волшебства, расколдовал мир. Церковь отделилась от мира, а затем государство стало христианским, то есть обществом открытым.

В Новое время, в эпоху Отступления человечества от Бога снова происходит околдовывание (*ре-дивинизация*). Это понятие стало главным в нашем историческом обзоре.

Для этого этапа мы отметили, что утративший веру новый человек ориентирован не к высшему благу, а к наивысшему злу. Не разум и не стремление к Истине, а страх смерти оказывает упорядочивающее воздействие на общество (см. Гоббс). Становится мыслимым замкнутый малый порядок, отдельный от большого, Богом созданного порядка. Впоследствии малые порядки действительно возникают в виде новых национальных и тоталитарных государств.

Ре-дивинизация и закрытость сталкиваются с протестом со стороны политических мыслителей-реалистов, философов порядка и представителей классицизма в искусстве XVIII века. В XX веке эту линию продолжают политические философы Эрих. Фогелен, Лео Штраусс. Филологи и философы действуют в направлении расколдовывания языка.

Самая неожиданная реакция наблюдается со стороны великих гностиков: Кьеркегора, Маркса, Ницше, Достоевского. Они мощнейшим образом действуют против закрытого мира, закрытой души и ре-дивинизации, но следуют основной линии Нового времени: враждуют против Истины и борются за уничтожение разума. Иначе говоря, они борются и против Истины, и против лжи.

Такое сочетание, воспринятое от великих гностиков, породило у их последователей абсурд, бунт, нигилизм и, наконец, великие идеологии. *Протест* против ре-дивинизации предшествовал самым мощным проявлениям этой самой *ре-дивинизации*.

На этом этапе рассуждения для нас было важно отметить, что малые гностики воспользовались идеями великих гностиков, не понимая их суть. Таким образом, марксизм, модернизм, экуменизм и т.п. – лишь отбросы, побочные и нечаянные продукты гностической революции.

Личный и массовый гнозис

Далее мы противопоставили друг другу гнозис личный и – гнозис для масс, личное «озарение» великих гностиков и – идеологии, очаровывающие массы политикой, массовой религией, наукой и развлечениями.

Даже после опошления в массовых идеологиях гнозис великих гностиков остается личным: самым личным из всего человеческого,

Рис. 2. Рождение, расцвет и смерть православного модернизма.

тогда как у разумных людей ум – общий. Только гностики имеют ум отдельный и, следовательно, безумный. По этой причине открытое гностиками нельзя передать, оно никогда не становится «классикой». Самые важные их идеи не имеют интеллектуального содержания, которое можно было бы доказать, пересказать своими словами. Их можно только родить в своей душе, как показали на своем примере Достоевский и Ницше. В этом их единственный и нечувственный контакт с их последователями.

Смерть идеологий

К 2020 году становится ясно, что коллективный гнозис идеологий и основанные на нем малые порядки терпят крах. Открытия великих гностиков остаются не понятыми, а нигилизм малых – разоблачен ходом событий. Власть внутри разнообразных малых порядков окончательно разоблачена как безвластие. Даже одурманенные ею поняли, что это власть всего лишь символическая и заключается в том, чтобы приписывать символам произвольное значение.

Так умирают идеологии. Обычай и закон пали еще раньше, но теперь не пугает и наивысшее зло, даже уничтожение человечества (см. проект Питера Тилиа[36, 38:20 и далее]). Нет ориентации ни к наивысшему благу, ни к наивысшему злу. Личный же гнозис остается на будущее как тайное оружие Антихриста.

Христиане в стороне

Итак, мы видим, что основной конфликт Нового времени разворачивается между великими и малыми гностикami. Этот конфликт разрешается в двух планах:

- В идейном плане нигилисты побеждены самим гнозисом: марксисты – гнозисом Маркса, ницшеанцы – гнозисом Ницше, модернисты – гнозисом Достоевского и т.п.
- В практическом смысле тоже все кончается поражением нигилистов, но уже через смерть идеологий и гибель малых порядков, о чем великие гностики предупреждали с самого начала.

Христианин стоит в стороне от этой человеческой комедии, но он извещен о том, что этот конфликт происходит. Невидимый для участников событий, христианин наблюдает за рождением, расцветом и концом идеологий.

Внутри малого порядка, пока он еще существует, христианин вынужден вести частную политическую, жизнь. Он представляет собой такое удивительное зрелище: гражданин, для которого не осталось никакого поля действий в общественной сфере. Единственный, кто мог бы сообщить что-либо существенное, не может участвовать общественном диалоге.

Даже борьба с идеологиями для нас больше не обязательна. Хочешь: исследуй марксизм или национализм, не хочешь – не исследуй.

Нас могли бы заинтересовать открытия великих гностиков, однако мы, как обычные люди, не всё можем подумать. Мы не всё можем вообразить. Мы не позволяем себе подумать, вообразить то, что подумали и представили себе гностики. В отличие от нас, они подумали *всё*, и в этом состояло их преступление, обнаружившее их родство с первым и всеми последующими преступниками.¹²

Модернизм

И все-таки есть то, чего мы не можем не замечать. Одна из ветвей гнозиса непосредственно нас касается, становится *нашим делом*.

С известного времени в Церкви тоже действуют лица, враждующие против Истины и систематически действующие ради уничтожения разума. В самой Православной Церкви возникает протест против ре-дивинизации со всеми его гностическими последствиями: абсурдом, бунтом, нигилизмом, идеологией модернизма и церковным вариантом малого порядка.

¹² См. исследование этой проблемы у Жана Жиано.[18]

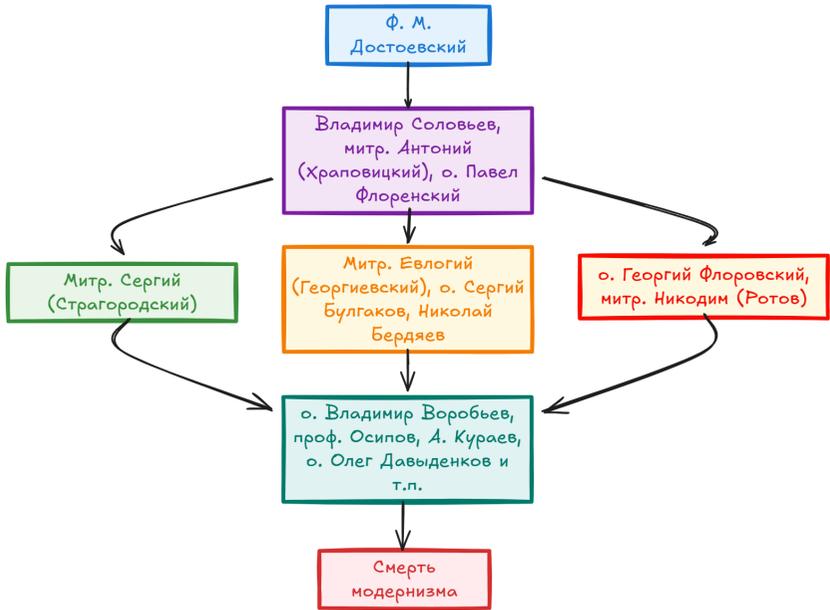

Рис. 3. Модернизм в лицах.

Православный модернизм с его великим гностиком-основателем и порожденным им нигилистами в церковном обличье повторяет судьбу всех идеологий.

- Рождение в гностическом озарении
 - Протест против ре-дивинизации
 - Достоевский:
 - Письмо Фонвизиной, 1854 г.
 - «Записки из подполья», 1864 г.
 - Пушкинская речь, 1880 г.
- Первое поколение модернистов:
 - Ре-дивинизация, приспособление к последнему человеку.
 - Превращение в идеологию (кон. 1870-х – 1917 г.). Владимир Соловьев, митр. Антоний (Храповицкий), митр. Сергей (Страгородский), о. Павел Флоренский.
 - Религиозно-философские собрания 1901-1903 гг.
 - «Столп и утверждение истины», 1914 г.
- Первое и второе поколение модернистов (1917 – 1991 гг.):
 - Наивысшее зло – утрата единства.
 - попытки создать малый порядок:
 - обновленчество, сергианство,
 - Декларация, 1927 г.
 - попытки создать ортодоксию модернизма:
 - парижская школа богословия, софиология, литургическое богословие, богословие иконы.
 - Русская эмиграция, Парижский экзархат, Православная Церковь в Америке
 - Митр. Евлогий (Георгиевский)
 - Парижский богословский институт, 1925 г.,
 - Русское студенческое христианское движение, 1925 г.
 - экуменизм (1961 г. – и до наших дней):
 - Универсализм, глобализм, богословие революции,
 - митр. Никодим (Ротов),
 - Вступление Русской Церкви во Всемирный совет церквей, 1961 г.
- Второе и третье поколение модернистов
 - Утверждение малого порядка в Церкви, модернистская ортодоксия, возникновение экономики модернизма:
 - Церковная реформа, богослужбная реформа, лжемиссионерство,
 - Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 1992 г.,

- митр. Иларион (Алфеев), проф. А. И. Осипов, А. Кураев, о. Олег Давыденков и т.п.
- Основы социальной концепции, 2000 г.
- Смерть модернизма (ок. 2020 г.).
 - Борьба против ре-дивинизации окончена.
 - Наивысшее зло больше не пугает.
 - Гнозис великих не действует.
 - Нигилизм малых гностиков разоблачен.
 - Малый порядок разоблачен как ни от чего не закрытый.
 - Власть разоблачена как безвластная.

Отношение наше к этой идеологии – такое же, как ко всем видам гнозиса: грамотное наблюдение со стороны, исследование с пользой для души. Да и цели наши здесь совершенно те же: не ввязываться в схватку великих и малых гностиков. Достоевский влил свой яд в православный модернизм, и нам остается ждать, когда и как смертельный яд подействует.

Прекрасная деятельность

Итак, нам нет удела в этом мире и нет места в этой борьбе одних гностиков с другими. Христиане не имеют ничего общего с гностиками ни вне, ни внутри Церкви. Мы вне гностической политики и основного течения истории.

И все-таки для нас остается возможность прекрасной деятельности, благородного действия. Эта деятельность созерцательная: прямое и простое суждение о том, что среди членов Церкви есть православные и модернисты. Деление на два града, на мир и Церковь, на христиан и на предателей Христианства оказывается весьма плодотворным, открывая путь к правильным мыслям и делам.

Сообщая православным две истины:

1. все плохо,

2. все непоправимо,

я пытаюсь побудить людей мыслить с единственным расчетом: понять Истину, и с единственной пользой: ради спасения души. Пытаюсь «втолкнуть» их в общий ум. Если у них есть ум, то он может быть только общим.

Итак, наша задача: отличить в Церкви православных от модернистов. Осталось выбрать те науки, понятия и методы, которые позволят нам это узнать самым лучшим и простым способом.

Это мы обсудим в более просторном виде в основной «Программе антимодернистов».

Список литературы

- [1] блж. Августин. О Граде Божиим // Творения. Киев, 1906. Ч. 6.
- [2] блж. Августин. О Граде Божиим // Творения. Киев, 1907. Ч. 5.
- [3] Андрей Критский, св. Великий канон, чтмый в четверток пятая седмицы Святаго Поста // Великий канон. 3-е изд. СПб., 1997. С. 14.
- [4] Аристотель. Метафизика / Пер. А. В. Кубицкого, М. И. Иткина // Сочинения: В 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–367.
- [5] Бесстыдство [Электронный ресурс]. URL: <https://dvagrada.ru/wiki/Бесстыдство> (дата обращения: 03.02.2026).
- [6] В Феодоровском соборе Санкт-Петербурга всех желающих приглашают к участию в Малом и Великом входе [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/anti_modern/1596 (дата обращения: 30.01.2026).
- [7] Вершилло Р. А. Восхождение к личности // Прямой путь. 1992. № 1.
- [8] Вершилло Р. А. Книга А. И. Осипова «Бог» [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/kniga-osipova-bog/> (дата обращения: 01.07.2023).
- [9] Вершилло Р. А. Лейбниц, Гоббс, Паскаль, М.: Антимодернизм.Ру, 2022. 193 с. Интернет-версия <https://antimodern.ru/library/leibnitz-hobbes-pascal/>
- [10] Вершилло Р. А. Мировоззрение протоиерея Александра Шмемана. М.: Антимодернизм.Ру, 2015. 467 с.
- [11] Вершилло Р. А. Упорядоченная душа в Новое время. М.: Антимодернизм.Ру, 2023. 91 с.
- [12] Глупость [Электронный ресурс]. URL: <https://dvagrada.ru/wiki/Глупость> (дата обращения: 03.02.2026).
- [13] Гусейнов Г. Ч., Великанов П. о., Юдин А., Данилова А. Миф после мифа: честно о главном [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/chestno-o-mifah-otkrovennaya-diskussiya-video-i-audio12/> (дата обращения: 01.07.2023).
- [14] Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М.: Наука, 1977. 296 с.
- [15] Достоевский Ф. М. Бесы. // Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 519 с.
- [16] Достоевский Ф. М. Письмо к Фонвизиной Н. Д. начало 1854 г. // Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 175–177.
- [17] Достоевский Ф. М. Письмо к Е. Ф. Юнге. 11 апреля 1880 г. // Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 147–149.
- [18] Жионо Ж. Король без развлечений / Пер. В. Никитина. М.: Терра - Книжный клуб, 2002. 541 с.
- [19] Зайцев И. Н. Миф о едином богословском методе: обоснование методологического плюрализма в современной теологии // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. Религиоведение - №122. 2025. 15. С. 41–56.
- [20] Записки петербургских Религиозно-философских собраний 1901-1903 гг. / Сост. С. М. Половинкин. М.: Республика, 2005. 543 с.

- [21] *св. Игнатий (Брянчанинов)*. Отечник. Том VI: Творения. М.: Сретенский монастырь, 1999.
- [22] *св. Игнатий (Брянчанинов)*. Письмо 548. О правильной молитве, положении Церкви монашества. 14 февраля 1865 г. // Собрание писем. М., СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1995. С. 769–770.
- [23] *Камю, Альбер*. Бунтующий человек / Пер. Ю. М. Денисова и Ю. Н. Стефанова // Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
- [24] *Карташев А. В.* Реформа, реформация и исполнение Церкви. СПб.: Корабль, 1916.
- [25] Козлов Алексей Андреевич, доцент ПСТГУ, и Ольга Меерсон рассуждают о божественном [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/anti_modern/1658 (дата обращения: 30.01.2026).
- [26] *Коначева С. А.* О возможности «неторных троп» в теологии: к вопросу об отсутствии универсального теологического метода // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. Религиоведение - №122. 2025. 12. С. 28–40.
- [27] *Лейбниц Г. В.* Славнейшему мужу Томасу Гоббсу Готфрид Вильгельм Лейбниц / Пер. Я. М. Боровского // Сочинения: В 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 112–114.
- [28] Неграмотность [Электронный ресурс]. URL: <https://dvagrada.ru/wiki/Неграмотность> (дата обращения: 03.02.2026).
- [29] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. Ю. М. Антоновского // Сочинения: В 2-х т.. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.
- [30] Обыкновенный модернизм [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/anti_modern/1663 (дата обращения: 30.01.2026).
- [31] Открываем новую рубрику: «Теперь в Церкви можно всё» [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/anti_modern/1469 (дата обращения: 30.01.2026).
- [32] *Паскаль Б.* Мысли / Пер. Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. 480 с.
- [33] Председателем Отдела по делам молодёжи Казанской епархии назначен настоятель нашего храма иерей Артемий Лушкин [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-180453354_6816 (дата обращения: 30.01.2026).
- [34] *Фогелен Э.* Гоббс / Пер. Р. А. Вершилло [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/gobbs/> (дата обращения: 21.05.2024).
- [35] *Чехов А. П.* С. П. Дягилеву: 30.12.1902. Ялта. // Взыскующие града. Антология. М.: Модест Колеров, 2019.
- [36] Peter Thiel, Ross Douthat. A.I., Mars and Immortality. Interesting Times: Interesting Times, 26.06.2025. URL: <https://youtu.be/vV7YgnPUxcU> (дата обращения: 06.02.2026).
- [37] *Bochenski J. M.* Soviet Russian Dialectical Materialism: Diamat / Transl. by Nicolas Sollohub and revised after the third German edition by Thomas J. Blakeley. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1963. 190 p.

- [38] *Grillaert N.* What the God-seekers found in Nietzsche: The reception of Nietzsche's Übermensch by the philosophers of the Russian religious renaissance. Amsterdam, New York, NY: Rodopi, 2008. 282 p.
- [39] *Innis H. A.* Empire & communications. Victoria, B.C.: Porc'epic, 1986. 196 p.
- [40] *Machen J. G.* Christianity and liberalism. New York: The Macmillan company, 1923. 208 p.
- [41] *Plato's Euthyphro, Apology of Socrates, and Crito / Ed., tr. J. Burnet.* Oxford: The Clarendon press, 1924. 306 p.
- [42] *Strauss L.* Leo Strauss on Nietzsche's Thus spoke Zarathustra. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 298 p.
- [43] *Strauss L.* Restatement on Xenophon's Hiero // On tyranny. Chicago, London: University of Chicago Press, 2013. p. 177–214.
- [44] *Voegelin E.* To Alfred Schutz January 10, 1953 // Selected Correspondence – 1950-1984. Columbia, Missouri: University of Missouri Press, 2007. V. 30. 952 p.
- [45] *Voegelin E.* The new science of politics: An Introduction. Chicago; London: University of Chicago Press, 1974. 193 p.
- [46] *Voegelin E.* The political religions. // Modernity without restraint. Columbia, Mo, London: Columbia University Press, 2000. P. 19–74.
- [47] *Voegelin E.* The West and the Meaning of Industrial Society: Excerpts from the Discussion // The drama of humanity and other miscellaneous papers, 1939-1985. Columbia, Mo., London: University of Missouri Press, 2004. P. 89–111.